

С именем Н. И. Сац связано становление первого в мире музыкального театра для детей. Недавно в издательстве «Искусство» вышла ее книга «Новеллы моей жизни» (2-е изд., испр. и доп.). «С детства меня окружали замечательные люди. С детства меня научили замечать интересное в каждом человеке. Человековедение! Какая это необходимая наука...».

Эти авторские слова из предисловия «Новелл» можно назвать эпиграфом ко всей книге — книге жизни, книге воспоминаний, раздумий о «времени и о себе», интереснейшему рассказу о создании музыкального детского театра и его сегодняшнем дне, о выдающихся деятелях искусства, литературы и науки, с которыми Н. И. Сац встречалась на своем жизненном и творческом пути, — А. В. Луначарском, А. Эйнштейне, С. С. Прокофьеве, А. Н. Толстом, Д. Д. Шостаковиче и многих, многих других. Наш корреспондент встретилась с Н. И. Сац и попросила представить книгу читателям.

— Одна американская журналистка, желая, видимо, польстить, назвала меня «Шехерезадой современности». Тем не менее в моей книге нет ничего придуманного. Шехерезада рассказывала свои фантастические сказки по ночам, а я рассказываю «сказки» живой жизни

— Это по-настоящему хорошо, — и стал просматривать другие мои рассказы.

— А тут вы боборыкаете.

Ефим Давыдович Зозуля, улыбаясь, объяснил, что был такой писатель — Боборыкин. Он писал слишком много, без всякого отбора. А

НОВЕЛЛЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

Беседа с главным режиссером Государственного музыкального детского театра, Героем Социалистического Труда, народной артисткой СССР, лауреатом Ленинской и Государственной премий Натальей Ильиничной САЦ.

при свете дня. Книга эта писалась много лет, то есть даже, когда ее еще не было на бумаге, она уже была во мне. Жизнь моя выдалась сложной — и радостной, и горькой, и подчас трагической, но никогда во мне не угасал огромный интерес к динамике жизни, к динамике становления человеческой личности, человеческой индивидуальности.

И когда пульсирует мысль, которая сегодня хочет осознать вчера во имя завтра, — тогда и рождаются книги.

— Наталья Ильинична, а когда вообще у вас возник интерес к литературному творчеству?

Писать я начала еще в детстве, просто для себя. А когда у меня родился сын Адриан и материнские чувства меня переполняли, я написала рассказ «Родители», подписавшись — Наталья Адрианова и послала его на конкурс молодых авторов, который объявил журнал «Прожектор». Послала... и забыла об этом. И однажды ко мне домой пришла комиссия из «Прожектора»: Зозуля, Лебедев-Кумач и Бабель. Спросили, здесь ли живет молодая писательница Наталья Адрианова?

Я не сразу вспомнила, что выдумала себе эту фамилию. Они сказали, что рассказ мой премирован на конкурс, будет напечатан.

Бабель просил показать другие мои «произведения». Помню, как он прочел вслух рассказ «В больнице», как ему понравился образ — фраза о женщине, недавно вставшей после тяжелой операции: «Идет рубашка, внутри которой человек».

когда пишут многословно и водянисто, это они и называли боборыканьем.

Впоследствии судьба подарила мне встречи со многими замечательными нашими писателями.

— Вы так и пишете в книге: «Новеллы поджидали меня за каждым углом»...

— Да, да, и каждая оставляла глубокий след в душе. Вспоминая время, когда в советской литературе появилось новое имя: Леонид Леонов.

Чем-то Леонов похож, по моему, на Маяковского. И прежде всего, наверное, категорическим неприятием работы ради успеха, чтобы раствориться во вкусах и «вкусиках».

Одна из наших встреч произошла в 1970-м, в санатории на берегу Черного моря. В огромном парке у санатория «Нижняя Ореанда» Леонов «близко знаком» со всеми деревьями. Помню, как он возмущился, увидев изрезанный «автографами» ствол могучего кедра:

— Мичурин сказал, а я добавлю: мы не должны ждать милостей от природы «после всех тех издевательства, которые мы над ней проделываем».

Писал Леонов каждый день, но собой был недоволен.

— Теперь мало пишу: шесть часов в день за рабочим столом, больше — устаю. А раньше двенадцать писал.

Не дай боже войти в его кабинет без спроса, когда на письменном столе лежат начатые его рукописи, когда не нашел еще он тех слов, кото-

рые ищет. Творчество на глубокой волне — всегда таинство, какая-то на секунду присевшая на подоконнике твоем птица, которую так легко вспугнуть малейшим движением, словом извне.

Как-то Леонов сказал мне:

— Рублев перед писанием картины задолго готовился, был один, по два месяца постился!

— Судьба человека и судьба книги, пересечение этих судеб, их нераздельность — по-моему, это одна из главных мыслей в ваших «Новеллах»?

— Я спросила однажды Сергея Сергеевича Прокофьева, когда он полюбил музыку. Он ответил, что, вероятно, как только в первый раз ее услышал. В мою жизнь буква и нота вошли одновременно, в раннем детстве, и с тех пор я с ними не разлучаюсь. Помню, родители сделали нам с сестрой книжные шкафы по росту. Томов в шкафах было тоже «по росту». Росли мы — «росли» шкафы — расширялся кругозор, книг, которые хотелось прочитать, становилось все больше и больше. Но вот сказку детства — андерсеновскую «Русалочку» — я пронесла с собой через всю жизнь. Были у меня очень трудные годы. И помогали книги, помогали миры истории. Помню, прочла тогда Шекспира во всех переводах, со словарем в подлиннике, Шиллера, Лермонтова, Александра Николаевича Островского...

И мне хочется вспомнить еще одну новеллу жизни. Осень 1966 года, «вечер интересных встреч» в Ялте, который попросила меня организовать молодежь. Жил в это время в Ялте и Константин Георгиевич Паустовский. Он был очень болен, но на вечер пришел.

Совершенно неожиданно захотел выступить молодой писатель из Карачаево-Черкессии. Он рассказал, как был художником и вдруг какое-то неожиданное горе выбило его из колеи, которую он уже считал своей. Отчаяние, отсутствие заработка, попытка начать писать, трудности вновь избранной профессии... И когда почва уже уходила из-под ног, его близкий друг передал ему драгоценную книгу с напутствием: «Береги, вдумайся в каждое слово, и сбудется мечта твоя — станешь писателем».

Посыпались вопросы: что же это за книга? Дагир Кубанов подошел к столу, где сидел Константин Георгиевич, встал на колени и сказал:

— «Золотая роза». Ваша гениальная книга «Золотая роза».

Традиционный вопрос «Над чем вы сейчас работаете?» я задавать Н. И. Сац не стала, потому что видела, чем она занята ежедневно и ежечасно: растит, пестует свое детище — Театр.

Уже густели сумерки, а в театре, в ее рабочем кабинете, горел свет: собрался очередной (или внеочередной) художественный совет. И она с присущей ей энергией, говоря словами ее любимого поэта Гейне, совала «нос во все горшки, в которых боги готовили будущее» — будущий музыкальный спектакль для детей.

А возраст, считает она, «это не итог, а количество творческих планов, которые ты по-прежнему хочешь и можешь осуществить».

Беседу вела
Любовь КУЗНЕЦОВА.